

Режим доступу: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/46669>.

4. Hayek F.A. Three Elucidations of the Ricardo Effect // Journal of Political Economy. — 1969. — Vol. 77. — Iss. 2. — P. 274. — Режим доступу до журн.: <http://www.journals.uchicago.edu/action/doSearch?volume=117&year=2009&issue=3&journalCode>.

5. Якобсон Л.И. Экономика общественного сектора. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 319 с.

6. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. — М.: ФЭИ, 1995. — 174 с.

7. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. — М.: УРСС, 1997. — 372 с.

8. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические

аспекты государственного регулирования. Изд. 4-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 304 с.

9. Грицай О.В. Западная Европа: региональные контрасты на новом этапе НТР. — М.: Наука, 1998. — 148 с.

10. Павлюк А.П. Регіональні асиметрії у контексті забезпечення сталого розвитку держави і регіонів / Павлюк А.П. — Стратегія забезпечення сталого розвитку України : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Київ, 20 травня 2008 р.) — К.: РВПС України НАН України, 2008. — Ч. 1. — С. 140–141.

11. Семиноженко В.П., Данилишин Б.М. Новый регионализм. — К.: Наук. думка, 2005. — 160 с.

Статья поступила в редакцию 15.08.2009

И.В. РОЗМАЙНСКИЙ, к.э.н., доцент

Санкт-Петербургский филиал Государственного Университета – Высшая школа экономики

О ЗАГАДКЕ ДЕБАРТЕРИЗАЦИИ И ПРОЧИХ АСПЕКТАХ ДИНАМИКИ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

Введение

Как известно, на протяжении 1990-х годов в России неуклонно возрастала доля сделок, обслуживавшихся через бартер, причем, по некоторым оценкам, в 1997 – 1999 годах около 80 – 90% от общего объема промышленной продукции обменивалось через бартер (в 1991 – 1994 годах этот показатель составлял около 40%, а в 1995-1996 годах – 75%).¹ Исследователи отмечали «устойчивость, жизнеспособность и размах»² бартера в нашей стране. В общем, во второй половине 1990-х годов экономикой России вполне можно было описывать

как бартерное хозяйство. Бартер стал рассматриваться как институт.

Однако после 2000 г. довольно резко стали происходить процессы дебартеризации. Уже к середине первого десятилетия двадцать первого века российская экономика перестала быть бартерной. По некоторым данным, в среднем за 2000 – 2008 годы через бартер было обменено менее 10% общего объема промышленной продукции.³ Казалось бы, бартер удалось окончательно победить. Налицо загадка дебартеризации.

Но в конце 2008 – начале 2009 годов бартер вновь стал вызывать интерес у все большего и большего числа хозяйствующих субъектов. Возрастает количество предприятий, которые хотели обменяться по бартеру. Теперь вполне можно говорить о перспективах ребартеризации.

Цель данной работы – разрешить загадку дебартеризации в начале XXI века и обсудить

¹ Макаров В. Л., Клейнер Г. Б. Бартер в России. Институциональный этап // Вопросы экономики. — № 4. — 1999. С. 82. По другим данным, доля бартера в расчетах промышленных предприятий возросла с 9% в 1993 году до 51% в 1998 году, снизившись затем в 1999 году до 40%, см.: Расков Н. В. Переходная экономика России. Экономика кривых зеркал. — СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета. 2006. С. 71.

² Там же. С. 79. См. также: Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Под ред. Р. М. Нуреева. — М.: МОНФ. 2001. Гл. 10.

³ http://www.rusbarter.ru/barter2009_pdf.php. По другим данным, доля бартера в расчетах промышленных предприятий снизилась с 40% в 1999 году до 25% в 2000 году и 16% в 2001 году (Расков Н. В. Указ. соч.).

«шансы» ребартеризации в нашей стране в десятые годы XXI века в России в контексте обсуждения основных характеристик платежной системы в нашей стране.

Едва ли не главная мысль, которую мы будем «проводить» здесь, состоит в том, что не следует рассматривать использование бартера в отрыве от всей системы расчетов. Нужно учитывать динамику общей структуры средств платежа в нашей стране. Мы склонны рассматривать структуру средств платежа как важный элемент институциональной среды. В частности, мы принимаем во внимание способы осуществления расчетов между экономическими субъектами, которые по своим характеристикам, таким, как, например, анонимность, похожи на бартер.

Однако сначала следует вспомнить и осмыслить комплекс причин, породивших бартеризацию в России 1990-х годов.

О бартеризации 1990-х и дебартеризации 2000-х годов

Можно выделить следующие факторы распространения бартера в течение первых нескольких лет после проведения «радикальных рыночных преобразований».

Во-первых, институциональная неадекватность государства, т. е. отсутствие государственной защиты прав собственности и заключенных контрактов вкупе с быстро развивавшейся тенезацией экономики. Эта тенезация проявлялась не только в растущей доле доходов и хозяйственных процессов, скрывающихся от налогообложения, но и в значительной доле хозяйственных споров и конфликтов, разрешавшихся благодаря вмешательству криминальных группировок. Использование бартера облегчало сокрытие фактов хозяйственной деятельности и ее результатов от налогообложения в частности и от государственного контроля в целом.

К этому же пункту можно отнести так называемый «правовой беспредел». Например, «такие явления, как отсутствие в законах определения механизмов их реализации, неисполняемость законов, аморфность формулировок, содержащихся в их текстах, несоответствие различных законов друг другу и «юридические пустоты» (типа наличия в одном законе отсылки на другой закон, который пока еще не принят) представляли собой общее место в России 1990-х годов»⁴.

Во-вторых, отсутствие реально работающего законодательства о банкротствах. Предприятия, «расплачивавшиеся» по своим обязательствам бартером, продолжали свое существование, вопреки нормам «обычных» рыночных хозяйств. Использование бартера было способом «поддержания на плаву» неплатежеспособных предприятий.

В-третьих, резкий и глубокий спад производства, вызванный, в частности, резким и глубоким сокращением совокупного спроса. Подобная тенденция, разумеется, создавала условия для неплатежеспособности множества предприятий.

В-четвертых, проводившаяся согласно принципам шоковой терапии ограничительная макроэкономическая политика правительства, проявлявшаяся, в частности, в урезании расходов на социальные нужды, увеличении налоговых ставок и жесткой денежной политике. Разумеется, такая политика усиливала воздействие на платежеспособность предприятий причины, упомянутой в предыдущем пункте. Подобное усиление проявлялось в растущей «нехватке денег». Коэффициент монетизации (отношение M2 к ВВП) составлял в 1993 году 19, 9%, в 1994 году – 16%, в 1995 году – 14, 3%, в 1996 году – 13, 8%, в 1997 году – 15, 2 %, в 1998 году – 16, 8%, в 1999 году – 14, 8%.⁵ Для сравнения: в 1995 году в США и Италии этот показатель составлял более 50%, в Германии, Франции и США – более 60%, в Великобритании – чуть меньше 100%, в Японии – более 100%.⁶

Нехватка денег в обращении затрудняла осуществление расчетов между экономическими субъектами.⁷ По некоторым данным, в конце 1990-х годов около 5% предприятий осуществляли расчеты с контрагентами в течение двух месяцев, а половина - в срок до 6 месяцев. Что же касается энергетического и газового комплекса, то в нем затягивание окончательных расчетов на несколько лет стало нормой в те годы.

обеспечение формирования рыночной экономики в России: нерешенные проблемы // Вестник СПбГУ. Серия 5 (Экономика). Вып. 3 (№ 19). 1994. С. 42 - 46.

⁵ Расков Н. В. Указ. соч. С. 63.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Более того, на некоторых предприятиях денежная составляющая в выручке оказывалась даже меньше фонда оплаты труда!

⁴ См.: Удовенко С. П., Гуринович А. Г. Правовое

В-пятых, высокая инфляция, делавшая использование денег менее выгодным, чем использование товаров. Например, темпы прироста потребительских цен составляли в 1992 году 2506, 1%, в 1993 году – 840%, в 1995 году – 131, 3%, в 1998 году – 84, 5%.⁸

В-шестых, отсутствие каких-либо попыток со стороны правительства противодействовать расширению объема бартерных операций.

На наш взгляд, именно этот комплекс причин объясняет бартеризацию российской экономики в 1990-е годы. Можно отметить следующее: бартеризация была способом выживания неэффективных предприятий в условиях глубочайшего трансформационного спада, реализации принципов шоковой терапии, в значительной мере связанной с этими двумя аспектами нехватки денег в обращении, неработающего законодательства о банкротстве и институциональной неадекватности государства.

Между прочим, здесь можно понять, почему подобные масштабы бартеризации отсутствовали в странах Восточной Европы. В этих странах государство было «институционально адекватным», закон о банкротстве реально работал, а спад производства и степень «шоковости» терапии были более умеренными (или, как в Венгрии, проводилась политика градуализма).

Давайте рассмотрим, что происходило с переменными, формировавшими описанный комплекс причин бартеризации и, впервом десятилетии XXI века.

Во-первых, если в 1990-е годы ведущую роль в разрешении конфликтов играли представители частных криминальных структур, то в начале века «инициативу перехватили» государственные чиновники. Кроме того, процесс тенезации остановился; доля теневого сектора, по-видимому, не уменьшилась, но и не увеличилась. Наконец, явления «правового беспредела», столь характерные для «лихих» 90-х, стали относительно менее редкими. Все это могло способствовать дебартеризации, несмотря на то, что проблема институциональной неадекватности государства в принципе пока так и не решена.

Во-вторых, законодательство о банкротствах стало работать более эффективно. Впрочем, это проявилось в период, начавшийся с

осени 2008 года, когда Россию «захлестнул» мировой финансовый кризис.

В-третьих, в этот период происходил быстрый экономический подъем. Совокупный спрос и доходы агентов увеличивались. Особую роль в таком увеличении сыграли «поток «дешевых» кредитных денег и «выручки» от продажи нефти и газа».⁹ Возможно, это и есть основная причина дебартеризации.

В-четвертых, хотя макроэкономическую политику правительства можно квалифицировать как жесткую (что проявлялось, прежде всего, в увеличении бюджетного профицита), эта жесткость все-таки не охлаждала экономическую конъюнктуру. Кроме того, в значительной степени благодаря событиям, описанным в предыдущем пункте, происходило постепенное насыщение экономики деньгами. Коэффициент монетизации неуклонно возрастал, хотя и медленно. Этот показатель составлял в 2000 году 16, 2%, в 2001 году – 18%, в 2002 году – 19, 7%, в 2003 году – 24, 2%, в 2004 году – 26%¹⁰, в 2005 году – 28%, в 2006 году – 33, 4%, в 2007 году – 40%.¹¹

В-пятых, темпы инфляции в указанный период были гораздо ниже, чем в предыдущее десятилетие. Начиная с 2000 года, эти темпы неуклонно падали. В 2000 году темп прироста потребительских цен составлял 20, 2%, в 2001 году – 18, 6%, в 2003 году – 12%, в 2005 году – 10, 9%.

В-шестых, реализация «... жесткого прессинга бартера со стороны налоговых и контролирующих органов...»¹² в виде запрета взаимозачетов, установления предельных сроков осуществления расчетов, корректировки схем налоговых вычетов при использовании бартера и взаимных неплатежей, более частых проверок со стороны налоговых и прочих «контролирующих» органов и т. д.

В частности, можно упомянуть такие документы, как постановление Совета Министров от 30 декабря 2002 года № 1822 «О нормах использования неденежной формы прекращения обязательств, письмо Министерства экономики от 17 февраля 2003 года № 16-01-

⁹ http://www.rusbarter.ru/barter2009_pdf.php

¹⁰ Расков Н. В. Указ. соч. С. 63.

¹¹ Смирнов А. Политика денежной стерилизации себя полностью исчерпала. <http://www.rb.ru/community/articles/articles/2008/05/26/170003.html>

¹² http://www.rusbarter.ru/barter2009_pdf.php

⁸ Расков Н. В. Указ. соч. С. 74.

10/1065, или постановление Министерства статистики от 3 марта 2003 года № 31 «О внесении изменений в форму государственной статистической отчетности № 5-ф».¹³

Представляется, что у экономических субъектов резко исчезли как (некоторые) стимулы к использованию бартера, так и возможности его использования. Главный аспект – длительное оживление экономической конъюнктуры. Возникшие благодаря этому широкие возможности использования денег для погашения обязательств быстро вытеснили многоходовые бартерные цепочки из хозяйственной жизни. Поэтому в нулевые годы потребность в применении таких бартерных цепочек резко сократилась, тем более, что такие цепочки уже не служили для защиты от обесценения денег вследствие инфляции. Ведь эта инфляция была гораздо ниже. Кроме того, реально работающее законодательство о банкротствах уже не позволяло «замещать» денежные выплаты бартером (конфискация жилья вместо неуплаты долга не в счет). Ну и не надо сбрасывать со счетов административные методы борьбы с бартером. В частности, правительство, используя налоговое законодательство, пыталось сделать использование бартера невыгодным для предприятий-налогоплательщиков.

Если описывать все происшедшее, используя терминологию знаменитой работы В. М. Полтеровича об институциональных ловушках¹⁴, то можно сказать следующее. Вышеописанные события, произошедшие в 2000-е годы, привели к сильному возрастанию трансакционных издержек использования бартера, что и привело к резкому уменьшению объемов его использования и, в конечном счете, к его деинституционализации. Иными словами, если же в 1990-е годы «... бартер из явления превратился в устойчивый общественный институт»¹⁵, то в 2000-е годы институциональную проблему дебартеризации¹⁶ в целом удалось решить. В эти годы из общественного ин-

ститута бартер «обратно превратился» в частное явление.

Платежная система в постсоветской России: попытка институционально-макрэкономического анализа

Означает ли все это, что характеристики структуры средств платежа в России приблизилась к ее характеристикам в странах Запада? Мы полагаем, что нет. Чтобы обосновать ответ, сначала вспомним о предложенной нами в конце 1990-х годов концепции денежной деградации.¹⁷ Под денежной деградацией мы понимаем «...процесс увеличения в структуре совокупного запаса средств обращения таких активов, использование которых повышает трансакционные издержки и затрудняет финансирование дорогостоящих и долгосрочных производственных инвестиций»¹⁸ Конкретно, в России 1990-х годов, денежная деградация проявлялась в увеличении бартера, неплатежей и наличности в общем объеме платежных средств. Все эти три «вида средств обращения» объединяет анонимность. Иными словами, эти средства хорошо подходят для финансового обслуживания сделок, когда их участники стремятся скрыть результаты таких сделок или сам факт их осуществления. Кроме того, такие активы годятся в том случае, когда сделки носят краткосрочный и/или локальный характер.

Мы полагаем, что наличность, бартер и (взаимные) неплатежи являются в определенной степени взаимозаменяемыми видами платежных средств, причем бартер и (взаимные) неплатежи можно воспринимать как органическую часть неофициальной денежной массы в стране.¹⁹

Когда экономические субъекты стремятся скрыть свою деятельность (и/или доходы от нее) от налогообложения, и при этом их сделки носят краткосрочный и локальный характер, то они склонны к использованию либо бартера,

¹³ <http://www.neg.by/news/1056.html>

¹⁴ Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. Том 35. – 1999. – № 2. – С. 3-20.

¹⁵ Макаров В. Л., Клейнер Г. Б. Указ. соч. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 90. См. также: Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Гл. 10.

¹⁷ Розмаинский И. В. Криминализация экономики и денежная деградация как факторы инфляции издержек в России // Семинар молодых экономистов. Вып.3. Декабрь. 1997. С. 58-65.

¹⁸ Розмаинский И. В. Расширение теневой экономики и «денежная деградация»: пагубная взаимосвязь // Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. 4/2. 2002. С. 55.

¹⁹ Розмаинский И. В. Криминализация экономики...; Расков Н. В. Указ. соч. С. 69 – 73.

либо (взаимных) неплатежей, либо наличности.²⁰

В этой связи интересен следующий аспект. Сокращение доли использования бартера и почти полное исчезновение неплатежей не сопровождалось уменьшением доли наличности (при увеличении всей официальной денежной массы довольно быстрыми темпами). В нулевые годы доля M0 в M2 по-прежнему осталась на уровне 35 – 40%. Это намного ниже, чем в промышленно развитых странах. Например, если же в 2002 году доля наличности в денежной массе в России составляла 35, 7%, то в Великобритании – 2, 3%, в Германии – 5, 2%, в Италии – 8, 2%, во Франции – 7%, в Китае – 9, 2%, в США – 8, 9%, в Японии – 10, 7%, в Финляндии – 3, 2%.²¹ При этом, у нас по-прежнему не сформированы денежные агрегаты M3 и M4. Все это говорит о неразвитости денежного обращения в нашей стране по сравнению со странами Запада. «Высокий уровень наличной денежной массы ведет к слабой управляемости денежного хозяйства, переизбытку коротких денег, слабой мультипликации денежной массы, свидетельствует о значительном теновом секторе в российской экономике».²²

Поэтому нельзя не согласиться со следующим утверждением: «... на наш взгляд, принципиальным моментом является структура денежного агрегата M2, значительная доля которого должна приходиться на безналичную составляющую (кредиты), что позволит ограничивать инфляцию, а также в большей степени стимулировать конечный спрос»²³. Мы полагаем, что основным компонентом конечного спроса здесь являются инвестиции в основной капитал.

При этом, отношение M0 к M2 – не единственная «релевантная» для нас характеристика системы денежного обращения. Другой важный показатель – коэффициент моне-

тизации. Хотя, как отмечалось выше, в течение 2000-х годов этот коэффициент увеличивался, его значение все-таки было значительно меньше, чем в западных и восточноевропейских странах. В 2007 году в Венгрии этот показатель составлял около 50%, в Чехии – 70%, в Японии – 136%²⁴; в России, как уже отмечалось выше, в этом же году он составлял 40%.

Наконец, еще одна важная характеристика: в России до сих пор не сформированы денежные агрегаты M3 и M4, в отличие от промышленно развитых стран.

Указанные три аспекта – большая доля наличности в общей денежной массе (M2), низкий коэффициент монетизации и несформированность агрегатов M3 и M4 – позволяют говорить о недоразвитости системы денежного обращения России. Эта система не может обеспечить эффективное финансирование долгосрочных и дорогостоящих инвестиционных проектов, а также испытание, внедрение и диффузию инноваций. Данное обстоятельство – одно из важнейших причин принципиальной неинновационности российского хозяйства.

Мы полагаем, что фундаментальное объяснение описанных недостатков должно быть связано с анализом институциональной структуры той экономической системы, которая стала складываться в российской экономике в 1990-е годы и которую мы стали несколько лет назад называть семейно-клановым капитализмом.²⁵ Основные особенности – низкая степень государственной защиты прав собственности и заключаемых контрактов, принуждение к выполнению договоров со стороны различных семей и кланов (отсюда и название системы), высокие административные барьеры входа на различные рынки и т. д.

Подобные свойства приводят к двум аспектам. Во-первых, к распространенности нормы оппортунизма среди хозяйствующих субъектов, что порождает их недоверие друг другу и, как следствие, «фрагментацию» и «архипелагизацию» экономики. В результате, такая экономика распадается на множество ло-

²⁰ Розмаинский И. В. Расширение теневой экономики... С. 55 – 56.

²¹ Расков Н. В. Указ. соч. С. 69.

²² Там же. С. 69.

²³ Кайсаров А. А., Харлампиев Д. Н. «Трансформация валютного и банковского регулирования как фактор стратегических изменений в экономике России» // Евразийский международный научно-аналитический журнал. Проблемы современной экономики. № 3 (15). <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=21051>

²⁴ Галкина И. Инвестиции против инфляции. <http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=105413>

²⁵ Розмаинский И. В. Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Том 2 (№ 1). 2004. С. 59 – 71.

кальных замкнутых сообществ. Например, развитие банковской системы в России ориентировалось и продолжает ориентироваться на обслуживание локальных бизнес-групп. Во-вторых, указанные свойства приводят к очень короткому горизонту планирования, а «в пределе», к инвестиционной близорукости, состоящей в том, что экономические агенты отсекают из рассмотрения будущие переменные, начиная с некоего порогового момента времени.²⁶

Описываемые свойства не формируют у агентов склонности к реализации инвестиционных проектов, требующих долгосрочного финансирования и вовлекающих большое количество хозяйствующих субъектов. В результате не формируется спрос на соответствующие финансовые ресурсы, создаваемые развитой банковской системой.²⁷ Поэтому не происходит прогресса этой системы. Незрелость же финансовой системы, в свою очередь, создает препятствия для финансирования подобных инвестиционных проектов. В результате экономика оказывается в своеобразном варианте «ловушки бедности», когда низкое «побуждение к инвестированию» и незрелость системы денежного обращения (и шире, финансовой системы) взаимно влияют друг на друга.

В 1990-е годы российская экономика, безусловно, пребывала в этой ловушке. В 2000-е годы у нее возникли реальные шансы выбраться из нее. Феномен дебартеризации, казалось бы, свидетельствует об этом. Однако анализ большего числа данных – прежде всего, тех, которые мы только что обсуждали, – коэффициента монетизации и др., – свидетельствует скорее об обратном. Иными словами, полностью преодолеть последствия произошедшей в 1990-е годы денежной деградации так и не удалось.

Ребартеризация возможна?

Несмотря на все, описанное в двух предыдущих разделах, вряд ли можно говорить о полном искоренении бартера в начале XXI ве-

ка в России. Впрочем, поскольку значительная доля агентов, использующих бартер, связана с теневой экономикой, сложно делать какие-либо безапелляционные утверждения о масштабах применения этого способа расчетов. Тем не менее, по некоторым данным²⁸, в 2008 году около половины крупных промышленных предприятий России вовлечены в бартерные отношения, например, АвтоВаз, а также многие компании металлургической, угольной, энергетической и машиностроительной отраслей.

Но «не это главное». События, начавшие происходить в российской экономике в конце 2008 – начале 2009 годов, продемонстрировали, что бартер гораздо жизнеспособнее, чем казалось в середине нулевых годов. Начиная с сентября 2008 года, т. е. как раз с началом глобального финансового кризиса, интерес к бартеру среди российских предприятий стал резко возрастать. По некоторым сведениям, с сентября 2008 года по февраль 2009 года интерес к бартерным сделкам возрос почти на 500%.²⁹ При этом аналитики прогнозируют, что к осени 2009 года несколько сотен тысяч предприятий будут заниматься бартерными сделками. Представляется, что такая динамика может оказаться правдоподобной как по причине дальнейшего разворачивания кризиса, так и по причине высокой степени развитости информационных технологий и систем в настоящее время, развитости, выражающейся в большом количестве компьютеров на душу населения и широкой распространенности доступа в Интернет. Вполне возможно, что электронный бартер окажется реально имеющей место реакцией большого количества российских (и не только российских) предприятий на текущий мировой финансовый кризис. Чем глубже и продолжительнее окажется этот кризис, тем больше оснований ожидать распространения электронного бартера. По прогнозам некоторых аналитиков, к концу 2009 года доля сделок, обслуживаемых через бартер, достигнет уровня 1995 года.³⁰ Дополнительные основания доверять подобным прогнозам связаны с изменившимся отношением государства к применению бартера. «С 1 января 2009 года Государственная Дума и Правительство РФ

²⁶ Розмаинский И. В. «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике // Вопросы экономики. № 9. 2006. С. 71 – 82.

²⁷ Ноздрань Н., Березин И. Денежные агрегаты: теория и практика // Вопросы экономики. №6. 1993. 31 – 39.

²⁸ <http://www.gbis.ru/barter11/>

²⁹ http://www.rusbarter.ru/barter2009_pdf.php

³⁰ Там же.

отменили особый порядок принятия к вычету НДС при совершении товарообменных операций, зачетов взаимных требований и при использовании в расчетах ценных бумаг».³¹

В одном из эмпирических исследований, проведенных в начале 2009 года, было опрошено более 1000 предприятий, подавших заявки на осуществление сделок с использованием электронного бартера. В анкетах задавался, в частности, вопрос о том, каковы причины, побудившие делать заявки на бартерное обслуживание. Наиболее популярными оказались следующие ответы: 38% респондентов назвали в качестве главной причины «недостаток ликвидности и оборотных средств», 26% – «затоваривание складов», 16% – «нежелание останавливать производство».³² Эти данные убедительно подтверждают очевидную истину о влиянии экономического и финансового кризиса на желание использовать бартер. При этом 85% опрошенных заявили, что они будут «работать по бартеру несмотря ни на что».³³

Заключение

Загадка дебартеризации разгадывается довольно просто. В условиях длительного оживления экономической конъюнктуры, оживления, обусловленного, в первую очередь, подорожанием основных статей российского экспорта – нефти и газа, и связанных с этим оживлением увеличения коэффициента монетизации и роста кредитной активности банков, использование бартера довольно быстро стало невыгодным. К этим факторам добавился административный и налоговый прессинг со стороны правительства. Все это резко повысило транзакционные издержки использования бартера и позволило выбраться нашей экономики из институциональной ловушки бартеризации.

Безусловно, дебартеризацию российской экономики 2000-х годов следует расценивать как положительное явление. Однако она не означает полного приближения нашей платежной системы к стандартам развитых стран. По ряду важных характеристики наша система средств обращения коренным образом отличается от западной системы. Ключевые отличия, поддающиеся измерению, – низкий коэффициент монетизации, большая доля наличных денег в общей денежной массе, несформирован-

ность денежных агрегатов М3 и М4. Основные причины подобной недоразвитости денежной системы – низкая степень государственной защиты прав собственности и контрактов, административные барьеры входа на различные рынки, взаимное недоверие экономических субъектов, большая доля теневого сектора и (отчасти, как следствие все этих перечисленных причин) неблагоприятный инвестиционный климат. Основные же последствия указанной подобной недоразвитости – суженные возможности финансирования долгосрочных и дорогостоящих инвестиций, а также испытания, внедрения и диффузии инноваций. Слаборазвитая денежная система – одно из серьезных препятствий для перехода России на рельсы быстрого и устойчивого роста, базирующегося на инновациях, а не на экспорте нефти и газа в условиях благоприятной мировой конъюнктуры рынков на эти ресурсы.

При этом финансовый кризис может стимулировать возврат к использованию бартера. Нет оснований полагать, что произошедшая в нулевые годы дебартеризация является «окончательной и бесповоротной». Тем более что компьютеризация и широкий доступ в Интернет среди экономических субъектов России создают возможность нового витка развития бартерных отношений «иного качества». Электронный бартер вполне может стать распространенным феноменом десятых годов XXI века в России, особенно, если текущий кризис окажется длительным и глубоким и если он приведет к существенной нехватке ликвидности в российском хозяйстве. Разумеется, вряд ли возможно повторение того, что происходило в нашей экономике с использованием бартера во второй половине 1990-х годов. Однако мы не стали бы полностью исключать возможность ситуации, при которой электронный бартер окажется новым общественным институтом, хотя надеемся, что будет всего лишь частным явлением, правда, более распространенным, чем «неэлектронный» бартер в середине первого десятилетия XXI века.

Статья поступила в редакцию 12.06.2009

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

